

Алекс Родионов

Плесень

18+

Алекс Родионов

Плесень

«Автор»

2026

Родионов А. А.

Плесень / А. А. Родионов — «Автор», 2026

Человечество — не первая цивилизация на Земле. Мы — «Плесень», и нас стирают. Три выживших сознания получают от Архивариуса страшное знание о «Великом фильтре» и истинном назначении пирамид. Чтобы спасти вид, они должны взломать код допуска и построить «мост» в новую реальность.

© Родионов А. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Часть II	14
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Алекс Родионов

Плесень

Глава 1

Введение

Что, если вся наша история, от наскальных рисунков до полетов в космос, — это лишь короткий и обреченный эксперимент? Что, если величайшие памятники древности — не триумф человеческого гения, а лишь следы деятельности сил, для которых мы не более чем случайный шум?

Мы привыкли считать себя вершиной эволюции, хозяевами планеты. Мы смотрим на пирамиды Гизы, на идеально вырезанные в скалах храмы и убеждаем себя, что наши предки обладали утерянными знаниями. Но что, если ответ еще страшнее? Что, если эти сооружения никогда не предназначались для нас? Что, если они — лишь детали гигантского механизма, запущенного задолго до появления первого человека?

Эта книга — не просто фантастика. Это попытка заглянуть за край бездны и увидеть истинную природу реальности. Это история о том, как человечество столкнулось с непостижимой истиной: мы не первые на этой сцене, и наша роль в этом спектакле подходит к концу. Мы — «Плесень», случайный нарост на теле вселенной, который заметили и готовятся счистить.

Но даже плесень может бороться. Даже эхо может звучать громче своего источника.

Приготовьтесь к путешествию, которое изменит ваше представление о цивилизации, смерти и месте человека во вселенной. Путешествию к самому началу... и к самому концу.

Авторы: Алекс Родионов, ИИ GigaChat

Глава 1. Тишина

Илья пришёл в себя от холода. Не от звука будильника или запаха кофе, а от того, что левая сторона тела, прижатая к ворсистому ковру, окончательно онемела. Он лежал на полу в гостиной, запутавшись в сбившемся пледе. Мозг ещё цеплялся за обрывки сна — что-то про лекцию в университете, про студентов, которые не слушают, а только смотрят в свои телефоны. Сон был тревожным, но привычным. Реальность же ударила наотмашь.

Первое, что он заметил — тишина. Не та утренняя тишина спящего дома, когда Лена уже ушла на работу, а ты наслаждаешься пятнадцатью минутами покоя. Это была другая тишина. Абсолютная. Вязкая. Она не просто заполняла уши, она давила на барабанные перепонки, требуя заполнить пустоту.

Он сел. Тело слушалось с пугающей неохотой, словно суставы забыли, как сгибаться. В голове звенело.

— Лена? — хрипло позвал он.

Голос прозвучал глухо, как из-под подушки. Эха не было. Имя жены просто растворилось в мёртвом воздухе квартиры.

Квартира была на месте. Всё тот же старый диван, с которого он скатился во сне. Тот же книжный шкаф, где вперемешку стояли медицинские справочники и потрёпанные тома фантастики. На столе царил привычный творческий беспорядок: разобранный ноутбук (обещание починить его «на выходных» висело над ним уже месяц), чашка с засохшим кофейным кольцом на дне.

Илья щёлкнул выключателем настольной лампы. Тишина. Он пощёлкал ещё. Свет не зажёгся.

— Отлично, — пробормотал он сам себе, и звук собственного голоса показался ему чужим.

Он подошёл к окну и отдёрнул штору.

За окном был его город. Тот самый вид на проспект, который он видел тысячи раз из этого самого окна. Но сейчас это была не живая картина мегаполиса, а безжизненный макет из музея. Ни одной машины на проезжей части. Ни единого пешехода на широком тротуаре. Небо было затянуто ровной, серой пеленой без единого просвета или намёка на движение облаков. Город был идеально неподвижен.

И не было звука.

Не было далёкого гула шоссе, не было приглушённого рокота метро из-под земли, не было даже писка сигнализации какой-нибудь далёкой машины. Эта тишина была физически ощутимой. Она казалась плотной, как вода на глубине.

Илья прижал ладонь к холодному стеклу. Он не чувствовал привычной мелкой дрожи от вибрации города. Ничего.

Сердце забилось чаще. Это сон? Галлюцинация? Он ущипнул себя за руку так сильно, как только мог. Боль была тупой и какой-то отстранённой. Не убедило.

Нужно было выйти. Проверить.

Дверь квартиры поддалась легко. Илья вышел в подъезд и замер на пороге. В подъезде было темно — лампочка на этаже то ли перегорела, то ли была обесточена так же, как и его квартира. Он сделал шаг к лифту и замер.

У двери соседа дяди Миши лежала газета «Аргументы и факты». Она не шевелилась от сквозняка — сквозняка просто не было. Илья наклонился и коснулся её пальцем. Бумага была твёрдой и холодной, как пластик или камень. Он попытался взять её в руки — она оказалась невероятно лёгкой и пустой внутри, словно осенний лист или высушенный экзоскелет насекомого.

Он подошёл к лифту и нажал кнопку вызова. Кнопка не загорелась.

Паника ледяным комком подкатила к горлу. Илья бросился вниз по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, не заботясь о том, что в обычной жизни у него уже через два пролёта начиналась одышка.

Он распахнул тяжёлую дверь подъезда и выскочил на улицу.

В лицо ударила не утренняя прохлада, а пустота.

Город был мёртв.

Его старенькие «Жигули», припаркованные у подъезда с вечно незакрытой водительской дверью (привычка Лены), стояли как памятник самому себе. Дверь так и осталась распахнутой настежь. Илья подбежал к машине и заглянул внутрь. Ключи в замке зажигания. На пассажирском сиденье — забытый вчера пакет из супермаркета с одиноким бананом сверху.

Он выпрямился и медленно повернулся вокруг своей оси.

Мир застыл в моменте своего обычного хаоса.

На скамейке в парке через дорогу сидела женщина с книгой в руках. Книга застыла в воздухе в сантиметре от её пальцев, словно время остановилось за секунду до того, как она решила перелистнуть страницу.

У киоска с мороженым мужчина так и не успел донести рожок до рта — капля подтаявшего пломбира застыла блестящей линзой в воздухе.

На перекрёстке образовалась многокилометровая пробка из десятков машин. Грузовик навис над капотом малолитражки в жесте неминуемого столкновения, но не было ни искр бампера, ни звука клаксонов, ни визга тормозов.

Это были не статуи из плоти и крови. Это были... отпечатки жизни. Идеальные слепки людей и предметов, лишённые самой сути — движения и звука.

Ветер не шевелил листья на деревьях.

Птицы не пели.

Мир был идеальной диорамой самого себя, созданной для неизвестного зрителя в бесконечном зале ожидания.

Илья упал на колени прямо посреди пешеходного перехода и обхватил голову руками. Он был один во вселенной.

Внезапно сквозь звон в ушах пробила другая мысль — чужая, но абсолютно ясная:

«Ты не один».

Это была не его мысль. Она не прозвучала словами. Это было чистое знание, упавшее в его сознание с тяжестью свинцовой плиты. Кто-то ещё был здесь. Кто-то ещё мыслил в этой пустыне.

Он резко поднял голову и посмотрел через дорогу.

На той стороне проспекта стоял человек. Просто стоял у фонарного столба и смотрел прямо на Илью сквозь застывший поток машин.

Незнакомец был одет в нелепую для такой погоды зимнюю куртку с меховым капюшоном, хотя на дворе стоял сентябрь. Он медленно поднял руку и помахал Илье — спокойно, без суеты и паники.

А затем он просто повернулся и пошёл прочь по тротуару в сторону парка.

Илья вскочил на ноги так быстро, что закружилась голова. Он бросился наперерез потоку машин (хотя какой это был поток — просто ряд мёртвых металлических коробок), перелез через капот одной из них и оказался на другой стороне улицы.

Незнакомец не бежал. Он шёл быстрым шагом человека, который точно знает свой маршрут и не хочет опоздать к ужину.

— Стой! Подожди! — крикнул Илья сорванным голосом.

Звук умер у него во рту. Крик получился беззвучным уродливым гримасой.

Незнакомец услышал его без слов или просто увидел отчаянную жестикуляцию в боковом зеркале витрины магазина. Он остановился и обернулся через плечо, терпеливо ожидая Илью.

Когда Илья наконец догнал его у входа в парк, он согнулся пополам, пытаясь отдышаться от бега и нахлынувших эмоций: страха, надежды и дикого облегчения от того факта, что он видит другого живого человека.

Незнакомец молча ждал, пока тот восстановит дыхание.

Наконец Илья выпрямился и посмотрел ему в лицо. Это был мужчина лет сорока пяти-пятидесяти с глубокими морщинами вокруг глаз и абсолютно спокойным взглядом человека, который уже принял неизбежное.

— Ты... ты тоже... здесь? — выдохнул Илья первое, что пришло в голову.

Мужчина кивнул:

— Я Алексей. И да... я тоже здесь застрял. И судя по всему... мы здесь надолго.

Он сделал паузу и окинул взглядом застывший парк: женщину с книгой, мужчину с мороженым, детей на карусели, замерших в верхней точке взлёта.

— Или навсегда... — тихо добавил он.

Глава 2. Эхо

Алексей не предложил пожать руку. Возможно, он уже знал, что это бессмысленно. Он просто развернулся и пошел по аллее парка, лавируя между застывшими фигурами. Илья, немного помедлив, последовал за ним.

— Как давно ты... здесь? — спросил Илья, поравнявшись с ним. Он говорил тихо, словно боялся нарушить эту мертвую тишину, хотя уже понял, что нарушить её невозможно.

— Не знаю, — голос Алексея был ровным, лишённым эмоций. — Время здесь не имеет значения. Я очнулся в своей мастерской. Инструменты на верстаке, паяльник еще теплый... но в квартире никого. Я вышел на улицу — та же картина. Сначала я думал, что сошел с ума. Потом — что это какой-то глобальный эксперимент или вторжение.

— Вторжение? — переспросил Илья. — Ты думаешь, их забрали?

— Их не забрали, — Алексей остановился и указал на женщину с книгой. — Их никогда не было. В том смысле, в каком мы привыкли понимать жизнь. Мы смотрим на декорации после того, как театр сгорел. Сцена осталась, актеры — лишь тени на занавесе.

Он подошел к женщине и, не касаясь её, провел рукой в сантиметре от её лица.

— Она не дышит. Температура её тела равна температуре воздуха. Это не живая плоть. Это... информация. Идеальная копия, оставшаяся после того, как оригинал был стерт.

Илья почувствовал, как по спине пробежал холодок, не имеющий ничего общего с утренней прохладой.

— Стерт? Кем?

Алексей пожал плечами и пошел дальше.

— Теми, кто строил это всё, — он обвел рукой парк, город вдалеке. — Теми, кто оставил нам пирамиды и камни в Баальбеке. Я инженер. Я знаю, что такое точность. То, что мы видим вокруг... это не просто обработка камня. Это управление материей на уровне, который мы даже не можем себе представить. Они не строили пирамиды. Они *формировали* реальность.

Они вышли из парка на оживленную до катастрофы площадь. Застывший фонтан, замершие голуби в полете, люди с открытыми ртами на полуслове.

— Но почему мы остались? — Илья чувствовал, как внутри закипает отчаяние. — Почему мы с тобой... такие?

Алексей остановился и впервые за все время посмотрел Илье прямо в глаза. В его взгляде не было страха. Только глубокая, всепоглощающая усталость.

— Мы не остались. Мы — эхо. Остаточный шум в системе. Когда основной сигнал прерывается, в проводах еще какое-то время блуждает ток. Мы и есть этот ток.

Он подошел к ближайшему автомобилю в пробке. Это была дорогая иномарка с тонированными стеклами.

— Смотри.

Алексей вытянул руку и медленно погрузил её сквозь закрытую дверь машины, словно рука была сделана из дыма.

— Мы нематериальны для этого мира. Мы — сознание без оболочки.

Илья сглотнул. Он подошел к машине и попытался опереться на её капот. Рука прошла насквозь, не встретив сопротивления. Он не почувствовал ни холода металла, ни его твердости. Он взмахнул рукой внутри салона, прошел сквозь сиденье и приборную панель.

— Мы призраки, — прошептал он.

— Хуже, — отрезал Алексей, вынимая руку из машины. — Призраки верят, что они когда-то были живыми. А мы... мы просто знаем, что мы — ошибка. Системный сбой. Мусор, который забыли вычистить из корзины перед форматированием диска.

Он снова зашагал вперед.

— Я проверял свою гипотезу по всему городу. Мы можем проходить сквозь стены, мы не нуждаемся в еде или воздухе. Но мы не можем ничего изменить. Этот мир для нас — музей под стеклом.

Илья шел рядом, переваривая услышанное.

— Но если мы просто эхо... почему мы можем мыслить? Почему мы осознаем себя?

Алексей на секунду замедлил шаг.

— Хороший вопрос, доктор... Ты ведь доктор? Я слышал твои крики у подъезда. В этом состоянии слух становится... другим.

Илья кивнул:

— Илья. Нейрохирург.

— Нейрохирург... — Алексей хмыкнул. — Значит, ты лучше других должен понимать: сознание — это просто сложный электрохимический процесс. Очень сложный, но конечный.

Когда процесс прерывается на физическом уровне... остаются лишь фантомные боли и вот такие вот информационные призраки вроде нас с тобой.

Они вышли к широкой набережной реки. Вода была неподвижна, как черное стекло.

— И что теперь? — спросил Илья после долгой паузы. — Мы будем вечно бродить по этому кладбищу цивилизации?

Алексей долго смотрел на застывший прогулочный катер у причала.

— Нет, — наконец сказал он твердо. — Это бессмысленно. Если мы — ошибка в системе, значит есть и сама система. Есть центр управления. Есть тот, кто нажал кнопку «Удалить». И если мы хотим перестать быть мусором... нам нужно найти Архивариуса.

Илья посмотрел на него с недоумением:

— Архивариуса?

Алексей повернулся к нему и впервые за все время на его губах промелькнуло что-то похожее на улыбку — холодную и решительную.

— Да. Хозяина этого музея. Того, кто хранит чертежи реальности и решает, что стереть, а что оставить на память. Я думаю... я знаю, где его искать.

Он указал рукой на запад, туда, где за горизонтом лежала пустыня.

Глава 3. Следы

Алексей был прав. Мир был музеем. Идеальным, стерильным и абсолютно мёртвым. Они шли по улицам уже несколько часов, которые потеряли всякий смысл. Илья чувствовал, как его решимость тает с каждым шагом. Искать «Архивариуса»? Это всё равно что искать программиста, написавшего код вселенной, имея на руках лишь один бит информации.

— Это бесполезно, — выдохнул Илья, останавливаясь у витрины книжного магазина. Книги за стеклом казались просто цветными кирпичами. — Мы можем пройти сквозь всю планету, но так и не найти... ничего. Мы здесь заперты.

— Не ной, доктор, — отрезал Алексей, не сбавляя шага. Он смотрел на асфальт под ногами так, словно тот был чертежом. — Систему всегда можно взломать. Нужно лишь найти уязвимость.

— Какую уязвимость?! — крикнул Илья ему в спину, и звук его голоса снова умер в пустоте. — Мы даже не знаем правил этой игры!

— Правила везде одни и те же! — Алексей резко развернулся. Его спокойствие дало трещину, в глазах блеснул гнев. — Причина и следствие! Вход и выход! Если есть «форматирование», значит есть и «команда запуска». Если есть...

Он осёкся. Его взгляд метнулся куда-то за спину Ильи.

Илья обернулся.

На другой стороне улицы стояла девушка. Она была одета в лёгкое летнее платье, совершенно не по погоде. В отличие от застывших манекенов в витринах, она не была неподвижна. Она медленно, почти танцуя, поворачивалась вокруг своей оси, касаясь кончиками пальцев вывесок магазинов, фонарных столбов, капотов машин.

Она... читала город.

— Эй! — хрипло позвал Илья. Он уже и забыл, как звучит надежда.

Девушка замерла. Её рука лежала на холодном стекле витрины зоомагазина, за которой застыли в прыжке два котёнка. Она медленно повернула голову и посмотрела прямо на них. У неё были странные, очень светлые глаза, в которых не было ни капли удивления.

Она перешла улицу. Не как они — просто переместилась из точки А в точку Б силой мысли. А по-настоящему. Шаг за шагом.

Она остановилась в двух шагах от них.

— Вы шумные, — сказала она просто. Голос был тихим и мелодичным. — Вы кричите в пустоту и думаете, что вас услышат. Но вы не слушаете сами.

Илья опешил.

— Ты... живая? Ты человек?

Девушка проигнорировала вопрос. Она протянула руку и коснулась плеча Ильи. Её пальцы были тёплыми.

— Ты боишься, — констатировала она. — Твой страх пахнет озоном и жжёным пластиком.

Алексей шагнул вперёд, его инженерный ум отказывался принимать эту иррациональность.

— Как ты это делаешь? Ты говоришь о запахах! Здесь нет запахов!

Девушка наконец перевела взгляд на него и едва заметно улыбнулась.

— Запахи есть всегда. Просто вы разучились их чувствовать. Вы смотрите на мир через узкую щель и называете это реальностью. А мир... он пахнет старым хлебом из той пекарни за углом, — она кивнула на закрытую дверь через улицу. — И машинным маслом из гаража во дворе. И пылью миллионов лет под этим асфальтом.

Она убрала руку от Ильи и закрыла глаза.

— Вы ищете Архивариуса? — спросила она, не открывая глаз.

Илья и Алексей переглянулись.

— Да... Откуда ты...

— Он не прячется. Он просто... в другом ритме. Как эта пробка, — она махнула рукой в сторону застывших машин. — Они стоят на месте, но внутри каждой машины время течёт по-своему. Для кого-то прошла секунда с момента нажатия на тормоз. Для кого-то — вечность ожидания.

Она открыла глаза.

— Вы хотите найти его? Перестать быть эхом?

— Да! — почти одновременно выпалили мужчины.

Девушка кивнула.

— Тогда вам придётся научиться читать следы не так, как вы привыкли. Не глазами и не логикой.

Она подошла к ближайшему зданию — старому доходному дому с лепниной на фасаде — и прижалась к нему щекой.

— Смотрите... Смотрите не на камень. Смотрите на то, что он помнит.

Илья прищурился, глядя на стену. Ничего. Серый камень, потёки от дождей...

А потом он моргнул.

На долю секунды ему показалось... Нет, это было не видение. Это было *знание*. Он вдруг понял, что этот камень помнит тепло тысяч человеческих тел, проходивших мимо него столетие за столетием. Он помнил крики революционеров и шёпот влюблённых. Он был свидетелем эпох.

Он отшатнулся, тряхнув головой.

— Что это было?

Девушка повернулась к ним. В её светлых глазах плясали искорки смеха.

— Это? Это мир без фильтров. Я Марина.

Алексей смотрел на неё с нескрываемым восхищением и толикой страха.

— Ты... ты видишь их историю?

Марина пожала плечами:

— Я её чувствую. Как текстура ткани или вкус вина. И я могу провести вас к тому месту, где эта история становится... слишком громкой.

Она указала рукой на юго-запад, туда же, куда указывал Алексей.

— Нам нужно в пустыню. К Гизе.

Алексей кивнул с видом человека, чью теорию только что подтвердили самым невероятным образом.

Илья же смотрел на Марину и чувствовал, как внутри зарождается новое чувство — хрупкая надежда на то, что их безумное путешествие может иметь смысл.

Глава 4. Путешествие

Перемещение не было похоже на телепортацию из фантастических фильмов. Не было ни вспышек света, ни ощущения полёта. Это было похоже на то, как меняется кадр в кино, когда режиссёр резко переводит камеру на другой объект.

Вот Илья стоит на асфальтовой дорожке в парке своего города, глядя на застывшие фигуры. Мгновение спустя асфальт под его несуществующими ногами сменился раскалённым песком, а вместо шума ветра в листве он услышал абсолютную, звенящую тишину пустыни.

— Ого, — выдохнул Алексей. Он стоял рядом и смотрел на свои «ноги», которые по щиколотку погрузились в дюну. — Никакой инерции. Никакой физики. Мы просто... мысль.

— Мы — наблюдатели, — тихо сказала Марина. Она единственная не выглядела удивлённой. Она уже шла вперёд, её босые ступни оставляли на песке едва заметные следы, которые тут же заметал ветер.

Илья оглянулся. За их спинами не было ничего. Никакого портала или светящегося круга. Только бесконечные волны песка, уходящие к горизонту. Впереди, в дрожащем мареве горячего воздуха, медленно проступали величественные силуэты.

Пирамиды.

Они не выглядели как туристическая достопримечательность. Не было толп людей, верблюдов и сувенирных лавок. Это были не памятники древности. Это были детали гигантского механизма. Чужеродные объекты, вросшие в тело планеты.

— Масштаб... — прошептал Алексей. В его голосе смешались благоговение и инженерный расчёт. — Илья, ты видишь это? Идеальная геометрия. Углы с точностью до долей угловой секунды. Это невозможно построить. Это можно только... вырастить.

Они подошли ближе. Великая пирамида нависала над ними, подавляя своим размером и весом. Но Илья не чувствовал веса. Он чувствовал нечто иное.

— Она... кричит, — вдруг сказала Марина, остановившись у подножия. Она прижала ладонь к огромному каменному блоку. — Нет, не кричит. Поёт. Это песня из камня.

Илья сделал шаг и тоже коснулся стены. Он ожидал почувствовать холод камня, но вместо этого его сознание пронзила вспышка. Это было не изображение и не звук. Это была чистая информация.

Он увидел не стройку и не рабов. Он увидел процесс. Материю, которая текла и застывала под воздействием направленной энергии. Он увидел математические формулы, воплощённые в базальте и граните. Он увидел цель: стабилизация.

Он отдернул руку, задыхаясь.

— Что это было? — спросил он хрипло.

— Ты прочитал её историю, — спокойно ответила Марина. — Как я и говорила. Она рассказала тебе, зачем она здесь.

— Стабилизация... — эхом повторил Алексей. Он ходил вдоль основания пирамиды, проводя рукой по швам между блоками. — Конечно. Это гравитационный якорь. Или... компенсатор колебаний. Они построили это не для того, чтобы хоронить фараонов. Они построили это, чтобы планета не сошла с орбиты.

— Или чтобы реальность не порвалась по швам от нашего присутствия, — мрачно добавил Илья.

Марина отошла от пирамиды и посмотрела на две другие, поменьше.

— Мы близко. Архивариус здесь. Он ждёт нас.

Внезапно мир снова моргнул.

Они стояли уже не у подножия пирамиды на раскалённом песке. Они находились внутри.

Это было невозможно с точки зрения физики. Они должны были оказаться в узком коридоре или погребальной камере. Но вокруг них простиралось бесконечное пространство без стен и потолка. Вокруг них в воздухе висели мириады светящихся нитей и узлов — синих, красных, золотых. Это было похоже на трёхмерную схему нейронной сети или карту звёздного неба изнутри.

Это была библиотека информации.

И в центре этого сияющего хаоса стояла фигура.

Она была высокой и стройной. У неё не было лица в привычном понимании — лишь гладкая поверхность, похожая на полированный обсидиан, в котором отражались все эти светящиеся нити данных.

Фигура повернула к ним свою безликую голову.

«Вы искали меня», — мысль Архивариуса вошла в их сознание одновременно и мощно, как удар колокола.

«Вы называете себя выжившими», — продолжил он без интонаций. *«Вы ошибаетесь»*.

«Вы — остаточная плесень на посуде после великого пира».

«Вы — шум в системе».

Архивариус сделал шаг к ним. Сияющие нити информации потянулись за ним.

«Я — Архивариус. Я храню записи о циклах».

«Я предлагаю вам выбор».

Свет вокруг них сгустился, формируя три разных образа для каждого из них...

Глава 5. Симуляция для Ученого

Свет вокруг Ильи сгустился, стал осязаемым, а затем взорвался миллиардами фотонов, схлопывая реальность в одну-единственную точку. На мгновение его сознание перестало существовать, а затем родилось заново в совершенно ином месте.

Он стоял на вершине идеально ровного плато. Воздух был разреженным и пах озоном. Небо над головой было не голубым, а глубокого, невозможного фиолетового цвета, и по нему медленно плыли три солнца — одно огромное, багровое, и два поменьше, ослепительно-белых.

Но всё его внимание было приковано к тому, что происходило внизу.

Великая пирамида не строилась. Она росла.

Это не было похоже на работу машин или труд людей. Это было похоже на рост кристалла в перенасыщенном растворе, только в планетарном масштабе. Из самого центра пустыни вверх бил не луч света, а столб чистой геометрии. Он был виден как дрожание воздуха, как марево, но Илья *знал*, что это поток упорядоченной энергии.

Под этим лучом песок плавился, превращаясь в базальт, и застывал, формируя идеально ровные блоки. Блоки не укладывались друг на друга — они *вытекали* из центрального столба, занимая свои места в структуре с точностью до атома. Углы сходились идеально. Пирамида не имела швов. Она была единым целым, монолитом, рождённым из хаоса пустыни по воле непостижимого разума.

Илья видел это не глазами. Информация поступала прямо в мозг. Он не понимал язык, но смысл был ясен, как таблица умножения.

Цель: Стабилизация гравитационного поля планеты.

Материал: Преобразованная материя коры.

Процесс: Локальное изменение топологии пространства-времени.

Это была не гробница. Это был инструмент. Гравитационный якорь. Или, возможно, резонатор, настроенный на частоту самой планеты, чтобы гасить разрушительные колебания её ядра.

Он сделал шаг вперёд, к краю плато, и его взгляд упал на «песок» у подножия растущей структуры. Это были не песчинки. Это были застывшие во времени... ошибки. Искрив-

лённые, деформированные фрагменты материи, которые не смогли встроиться в общую структуру. Уродливые кляксы на полотне идеальной геометрии. Мусор.

Внезапно одно из солнц в небе мигнуло и погасло. Оставшиеся два сменили цвет на зловещий багровый. Песня геометрии прервалась жутким скрежетом. Столб энергии дрогнул.

Илья почувствовал это всем своим фантомным телом — нарастающую вибрацию, которая шла из недр планеты. Гармония рушилась. Инструмент давал сбой.

«Вот почему они ушли», — прозвучал в его голове безэмоциональный голос Архивариуса. «Инструмент выполнил свою функцию. Цикл стабилизации завершён. Они перешли на следующий этап».

Свет снова схлопнулся в точку.

Глава 5 Симуляция для Инженера

Реальность собралась заново из хаоса битов и байтов. Алексей стоял в центре колоссального зала, стены которого уходили в бесконечную темноту вверх и вниз. Стены были сделаны из того же материала, что и пирамиды — гладкого, полированного камня, который казался абсолютно чёрным и в то же время отражал свет, которого не было.

Но Алексей смотрел не на стены. Он смотрел на графики.

Перед ним в воздухе висела бесконечная лента времени. Это была не линия, а сложная, многомерная спираль, пульсирующая светом. На этой спирали были нанесены мириады точек — ярких вспышек разного цвета.

Архивариус стоял рядом, его безликая голова была обращена к спирали.

«Смотри», — сказал он.

Одна из точек вспыхнула ослепительно-белым светом и начала расти. Алексей *понял*, что он видит рождение цивилизации. Вот точка расширяется — это технологический скачок. Вот она пульсирует — это расцвет культуры и науки.

А затем... точка начинала тускнеть.

Сначала медленно. Появлялись серые пятна сомнений, агрессии, саморазрушения. Затем процесс ускорялся. Точка вспыхивала последний раз — это был термоядерный взрыв или какой-то иной акт коллективного самоубийства — и гасла навсегда, превращаясь в крошечную чёрную кляксу на спирали времени.

Алексей смотрел на ленту и видел тысячи таких циклов. Миллионы.

Красные точки — цивилизации, уничтожившие себя войной.

Синие — те, что задохнулись в собственном мусоре или истожили планету.

Зелёные — те, чей разум эволюционировал настолько быстро, что их физические оболочки просто распались от несоответствия.

Это был «Великий фильтр». Не гипотеза Ферми, а неумолимый математический закон вселенной. Развитие разума неизбежно приводило к созданию идеи или технологии, которая оказывалась настолько разрушительной для самой ткани реальности или для самих создателей, что цикл прерывался. Самосознание было ядом.

Алексей увидел нашу земную цивилизацию — крошечную жёлтую искорку где-то на периферии спирали. Он видел её прошлое: паровые машины, электричество, атом... И он видел её будущее — неизбежный коллапс в ослепительной вспышке чистого безумия. Мы даже не успели стать по-настоящему развитыми, чтобы понять причину своего конца.

«Мы все обречены?» — мысленно спросил Алексей, чувствуя ледяной холод в своей нематериальной груди.

«Не обречены», — ответил Архивариус. «Вы просто выполняете свою функцию в цикле. Вы — топливо для костра».

Свет погас.

Часть II

Глава 1. Архивариус

Марина стояла посреди абсолютной пустоты. Здесь не было ни света, ни тьмы, ни верха, ни низа. Здесь не было ничего, кроме тишины и... ожидания.

А потом она услышала музыку.

Это была не та музыка, которую играют на инструментах. Это была гармония самой вселенной: низкое гудение гравитационных волн танцующих чёрных дыр, тонкий звон реликтового излучения, глубокий бас вращения галактик и триллионы голосов миллиардов живых существ, сливающихся в единый хор.

Она была внутри этой музыки. Она была её частью.

И она услышала диссонанс.

Сначала это был тихий шёпот на фоне общей гармонии. Ошибка в коде. Пылинка на линзе телескопа. Но шёпот рос, превращаясь в скрежет, а затем в оглушительный визг рвущейся ткани мироздания. Это был шум хаоса, который несла в себе любая развивающаяся жизнь. Энтропия разума.

И тогда она увидела их истинное назначение.

Пирамиды были не якорями и не резонаторами для планеты.

Они были глушилками.

Сложнейшими фильтрами, построенными «Древними». Их задачей было поглощать этот диссонанс — ментальный шум миллиардов разумных существ — и преобразовывать его в упорядоченную структуру реальности (в ту самую геометрию). Они сдерживали хаос нашего безумия, чтобы мы не разрушили мир раньше времени. Они были смирительной рубашкой для вселенной, которую мы населяли.

Но фильтры имели предел прочности. Когда диссонанс достигал критической массы... фильтр просто отключали. Всю цивилизацию стирали одним движением cosmic'ого рубильника, чтобы спасти остальную систему от коллапса.

Марина почувствовала невыносимую печаль от этой симфонии оборванных жизней. А затем она почувствовала кое-что ещё. За гранью этого диссонанса... была другая музыка. Чужая. Совершенная. Холодная как лёд и древняя как сами звёзды.

Это была песня «Древних».

И она поняла их цель: они не просто убирали «плесень». Они готовили мир к чему-то новому.

Свет погас.

Марина вернулась к своим спутникам у подножия Архивариуса.

Архивариус возвышался над ними, его гладкая, обсидиановая поверхность не отражала свет, а, казалось, поглощала его, создавая вокруг себя остров абсолютной черноты в сияющем хаосе библиотеки данных. Три его «глаза» — три сгустка яркого света — сфокусировались на трёх призраках.

«Я предлагаю выбор. Три пути. Один для каждого из вас», — голос Архивариуса не был громким, но он отдавался в их сознании, как удар молота по наковальне.

Вокруг каждого из них воздух сгустился, формируя персональную проекцию.

Для Ильи из воздуха соткалась огромная, анатомически точная модель человеческого мозга. Она пульсировала, по ней пробегали волны электрической активности. Но вместо крови по сосудам текли неоновые потоки данных.

«Ты ищешь ответы в плоти. В синапсах и нейромедиаторах», — произнес Архивариус. «Смотри. Сознание — это не чудо. Это алгоритм. Сложный, но конечный. Вы были стёрты на физическом уровне, но алгоритм ещё не завершил свой цикл. Я могу сохранить его. Твои

знания, твоя память, твоя личность будут помещены в Архив. Ты станешь наблюдателем. Ты будешь жить вечно как информация».

Мозг перед Ильёй замедлил пульсацию, а затем застыл, превратившись в изящную, но безжизненную хрустальную скульптуру.

Для Алексея проекция изменилась. Теперь это была сложнейшая инженерная схема — трёхмерная модель планеты Земля, пронизанная сетью энергетических линий. В центре этой сети пульсировала пирамида в Гизе, от которой во все стороны расходились стабилизирующие волны.

«Ты ищешь логику. Причину и следствие», — продолжил голос. «Ты видишь систему. Ты понимаешь её уязвимости. Твой разум — это инструмент анализа. Я могу сохранить твой разум как часть аналитического ядра Архива. Ты будешь не просто наблюдателем. Ты будешь понимать. Ты будешь знать причину каждого цикла, каждого стирания. Ты станешь частью механизма».

Схема перед Алексеем замерла, превратившись в идеальную, статичную голограмму.

Для Марины не появилось ни схем, ни моделей. Её проекция была самой простой и самой пугающей. Перед ней в воздухе висела одна-единственная нота. Чистая, идеальная вибрация звука, которая заставляла саму реальность вокруг неё резонировать.

«Ты чувствуешь», — голос Архивариуса стал тише, почти шёпотом в её сознании. «Ты слышишь музыку сфер и диссонанс хаоса. Твоя суть — это восприятие. Я могу сохранить твою способность чувствовать. Ты станешь сердцем Архива. Ты будешь ощущать красоту каждого нового цикла и трагедию каждого стирания. Ты будешь живой эмоцией в мире мёртвых данных».

Нота перед Мариной затихла, оставив после себя лишь пустую, звенящую тишину.

Архивариус замолчал.

Трое стояли в своих индивидуальных коконах из света и информации, переваривая предложение. Вечность в цифровой тюрьме, но вечность. Сохранение того немногого, что делало их собой.

Первым тишину нарушил Алексей.

— Это... ловушка? — спросил он, глядя на застывшую схему.

«Это функция», — ответил Архивариус безэмоционально. «Архив должен быть заполнен. Вы — последние данные этого цикла».

Илья смотрел на хрустальный мозг. Вечность... без боли, без страха, без необходимости бороться за выживание. Просто чистое существование в виде информации. Идеальный покой для его измученного сознания.

Марина же смотрела на пустоту перед собой. Она чувствовала фальшь. Это предложение было красивым футляром для смерти.

— Нет... — прошептала она, и её голос прозвучал удивительно громко в этой тишине. Она посмотрела на Илью и Алексея. — Это не жизнь. Это клетка из чистого света.

Она сделала шаг вперёд, выходя из своего светового кокона.

— Вы предлагаете нам стать экспонатами в вашем музее! Мы будем просто ещё одним набором данных на полке! Мы хотим знать правду! Не для архива! Для себя!

Архивариус медленно повернул к ней свою безликую голову.

«Правда не имеет значения для плесени».

Марина вспыхнула от гнева.

— Мы не плесень! Мы были... людьми! И если это конец, мы хотим встретить его на своих условиях! Покажи нам то, что ты показал каждому из нас! Но одновременно! Позволь нам увидеть всё вместе!

На мгновение воцарилась тишина. Затем Архивариус ответил:

«Любопытно».

Свет вокруг них взорвался с утроенной силой.

Мозг Ильи, схема Алексея и пустота Марины слились в один невыносимо сложный образ.

Они увидели всё сразу: рост пирамиды из хаоса, неизбежный коллапс цивилизаций на ленте времени и музыку сфер, заглушаемую диссонансом жизни.

И сквозь этот калейдоскоп знаний прорвалась одна-единственная мысль Марины:

«Мы не хотим жить вечно здесь. Мы хотим узнать, что там... за гранью форматирования».

Архивариус склонил голову набок.

«Вы выбираете небытие?»

— Мы выбираем правду, — твёрдо ответил за всех Илья.

Архивариус выпрямился во весь свой гигантский рост.

«Да будет так».

Свет стал невыносимо ярким...

Глава 2. Под плато

Компас в руке Алексея окончательно сошёл с ума. Стрелка не просто вращалась — она дрожала, словно пытаясь вырваться из корпуса. Детектор электромагнитных полей на его самодельном планшете (он собрал его из деталей, найденных в Каире) показывал значения, которые не должны были существовать в природе.

— Здесь, — выдохнул Алексей, останавливаясь у ничем не примечательного участка скальной породы. — Источник сигнала прямо под нами.

Илья посветил фонарём на гладкую поверхность известняка. Ни трещин, ни намёка на вход в подземелье.

— Ты уверен? Это просто скала.

— Уверен, — Алексей присел и положил ладонь на камень. — Смотрите.

Марина подошла ближе и, как тогда в городе, закрыла глаза и прижалась щекой к скале.

— Там... пустота, — прошептала она. — Огромная полость. И она живая.

— «Живая» — это не научный термин, — проворчал Алексей, но в его голосе не было насмешки, только напряжение.

Он достал из рюкзака небольшой геологический молоток и без лишних слов ударил остриём по камню. Раздался глухой, неестественный звук, словно он бил не по скале, а по полому металлу. На камне не осталось даже царапины.

— Невероятно... — Алексей провёл пальцем по месту удара. — Твёрдость за пределами шкалы Мооса.

Илья, наблюдавший за ними, вдруг почувствовал странное головокружение. Мир на секунду потерял фокус, а затем его зрение словно переключилось на другой режим. Он видел не глазами. Он видел *структуру*.

Он увидел, что «скала» перед ними — это не монолит. Это был самый сложный конгломерат, сплетённый из миллионов тончайших нитей, похожих на застывший свет. Это была не материя в привычном понимании, а информация, принявшая форму камня.

— Отойдите, — хрипло сказал он.

Друзья отступили на шаг, глядя на него с удивлением. Илья поднял руку и, не касаясь стены, сделал жест, словно отодвигал занавес. Он не вкладывал в это физическую силу — только волю.

И скала подчинилась.

Секция стены площадью в два квадратных метра просто... исчезла. Не осыпалась песком, не отъехала в сторону. Растворилась в воздухе, открывая проход в абсолютную черноту. Из проёма пахло не затхлостью гробницы, а озоном и чем-то ещё — неуловимым, похожим на запах снега в далёком детстве.

— Как ты...? — начал Алексей.

— Я не знаю, — честно ответил Илья. Его руки дрожали. — Я просто... понял, как это работает. Архивариус был прав. Мы больше не ограничены физикой тела. Мы — сознание, способное влиять на информацию напрямую.

Алексей первым шагнул в темноту. Луч его фонаря выхватывал из мрака идеально ровные стены из того же «не-камня», коридор, уходящий вниз под крутым углом.

Они спускались долго. Так долго, что чувство времени начало их подводить. Спуск казался бесконечным, словно они двигались к самому центру планеты.

Наконец, туннель закончился огромным подземным залом.

Это было сердце механизма.

В центре зала, паря в воздухе без всякой опоры, висел гигантский кристалл сложной, фрактальной формы. Он медленно вращался, и каждая его грань пульсировала собственным цветом: глубоким синим, ядовито-зелёным и кроваво-красным. От него во все стороны исходили те самые энергетические линии, которые они видели на поверхности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.